

*Посвящается мальчику,
который не выжил,
но будет жить вечно*

ТОТ, КТО НЕ СМЕЕТСЯ

Перескакивая через две ступеньки (а он знал: для того чтобы все было хорошо, нужно перескакивать именно через две ступеньки), Андрей бежал домой. В рюкзаке болтались учебники, тетради, телефон, планшет и прочая ерунда, которой положено быть у каждого, — а если нет, то тебя обязательно запишут в нищоброды. В руке Андрей сжимал что-то важное и совсем неожиданное для мальчишки тринадцати лет. Это был не выбитый зуб обидчика и даже не доставшаяся по счастливой случайности недокуренная сигарета. В ладони Андрея лежала маленькая серебряная сережка в виде замка, явно женская. Сережка, конечно, не самый занятный в мире предмет, но эта имела как минимум два преимущества: вернуть ее владелице не было уже никакой возможности, кроме того, ее только что вырвали из уха Андрея.

Вообще-то он привык считать этот замок маленькой частью своего тела, так что теперь он мчался домой как будто с собственным отрубленным пальцем, зажатым в кулаке. И то и другое можно вернуть на место, если поспешить.

На мочке запеклась кровь, а в ушах все еще стояли крики тех девятиклассников: «Сын зомбачки, зомбачкин сын». О том, как отплатить школьным гопникам, Андрей подумает потом, сейчас ему важно сережку не потерять, а к этому у него большая склонность. Так уж заведено, Андрей всегда что-нибудь терял: ключи, деньги, зубы, время, домашние задания, мать.

Ему было десять, когда он потерял ее. Серебряная сережка принадлежала ей, а потом ему, мать она, конечно, заменить не могла, но все-таки была ее частью. Иногда, думая об этом, да и обо всех прочих потерях, Андрей приходил к неожиданному выводу: а что, если и не потери это никакие, а кражи? Кто-то необъятный, а потому незаметный и не то чтобы очень добрый просто крадет то, что больше всего нам нужно. А потом наблюдает и смеется. Или не смеется, потому что не умеет.

Со временем можно забыть о каких-то исчезнувших из твоей жизни вещах, но лучше не забывать, лучше вести список потерь. Андрей вел свой уже три года, он и сам толком не понимал зачем, но смутно надеялся, что сможет ткнуть в него носом вора, если когда-нибудь до него дотянется.

Пока Андрей искал ключ от двери на дне рюкзака, листья на деревьях успели опасть, намело снега и вообще прошло лет сто. Позвонить было бы быстрее, но ему хотелось проскочить

незамеченным. Быстрее в свою комнату, а там найти шнурок для своей реликвии и — на шею, чтобы точно больше никуда. Проскочить не получилось, из кухни голос Светы:

— Ноги вытирай.

Это полбеда.

— Иди-ка сюда.

Вот теперь полная, округлая беда.

— Иду. — Андрей попытался изобразить вежливость, хотя где-то в другой вселенной уже открывал дверь в комнату и даже булку жевал.

— Ты опять начинаешь?

— Что?

— Звонила Мария Петровна, математика у тебя опять ни к черту.

— Все у меня в порядке с математикой.

— Опять врешь? — Света прищурилась.

— В порядке — это значит «под контролем», а не «хорошо», — с вызовом ответил Андрей. — Почему сразу врешь-то?

— А я тебе скажу почему. — Света начинала беситься. — Если ты умудрялся полгода врать о таком... — она страшно выпучила глаза, явно подразумевая что-то немислимое, — то уж соврать о математике тебе ничего не стоило!

Андрею захотелось ответить, что хорошую историю не грех и приукрасить, но он сдержался. Ту историю, о которой напомнила Света, назвать хорошей точно нельзя.

— Это было три года назад, мне было десять, — он сделал ударение на «десять», потому

что ему казалось глупым винить в чем-то десятилетнего ребенка. Уж по крайней мере, не в том, о чем говорила Света. А во всем остальном — он сам себя повинит.

— Ну мне бы в твоём возрасте ничего такого в голову не пришло!

— Да вам-то откуда знать? Вам же сорок!

Света даже фыркнула от возмущения.

— Поговори мне тут еще.

— Значит, мы закончили? — с надеждой спросил Андрей.

— Нет, не закончили, — Света втянула побольше воздуха, — но говорить мне уже надоело. Отец — профессор, а у тебя одни двойки и тройки. Думаешь, мне приятно постоянно слушать, что ты, мягко говоря, небольшого ума?

— А вам-то что? Я вам не сын.

— И замечательно, Андрюша, что не сын, еще чего не хватало, — Света тяжело вздохнула. — А знаешь что?

— Что?

— Будешь плохо учиться — в армию пойдешь.

— Вот и пойду, — огрызнулся Андрей.

— С ума сошел?! — взвизгнула Света. — Хотя, знаешь, может, такому, как ты, там как раз и место. Вечером с отцом еще поговорю.

— Говорите.

— А мы опять с тобой на вы?

— Мы всегда на вы.

— Много о себе думаешь.

Может, Андрей и много о себе думал и математику не любил, зато любил литературу и знал, что второй раз король женится непременно на какой-нибудь ведьме. Это знание радости не добавляло, но почему-то успокаивало его.

Осторожно положив сережку на письменный стол, он расчесал отросшие светлые волосы рукой. Что теперь? Шнурок или второе ухо колоть? Все-таки ухо, решил Андрей, ухо надежней, снимать не надо, вот она — всегда здесь. Одну-то он уже потерял, осталась только эта — надо беречь.

За него никто не сбережет.

Андрей достал изогнутую иголку из ящика — удачно, что яблоко в школе не съел, сейчас пригодится. А вот спирта нет — протереть нечем. Нужно духи у Светы брать, а она учует, орать начнет. Нюх у нее как у собаки.

Он прокрался в ванную, включил воду, чтобы прыскающего звука не было слышно, а то им можно и мертвеца поднять.

Пахучее облако заполнило маленькое пространство и, кажется, собиралось висеть и вонять здесь вечно. Андрей поискал глазами освежитель воздуха и порадовался тому, что санузел у них совмещенный, а значит, и запахи могут совместиться.

«Ну давай же», — подумал он, глядя, как мельчайшие капли растворяются в воздухе, и теперь уж кто кого: духи Boss или «Альпийская свежесть». Андрей всерьез надеялся, что свежесть возьмет верх.

Направив свет лампы на зеркало, Андрей протер ухо, иголку, подложил половину яблока под мочку, прицелился и ткнул. Игла, немного помедлив, прошла сквозь ухо и звонко воткнулась в яблоко. Выступили слезы, но это ничего. Андрей улыбался, довольный тем, что уха у него два, а значит, сережке снова есть где жить. Закончив с новосельем, он вспомнил, что в яблоко можно не только иголками тыкать. Но съесть не получилось — оказалось гнилое наполовину.

Вечером, как и обещала Света, Андрея ждал разговор с отцом. Он знал, что, женившись второй раз, король ничего больше не решает, это знание не добавляло радости, но почему-то успокаивало.

Кроме всего прочего, Света рассказала отцу, что Андрей опять зачем-то брал ее духи. А они ведь женские!

С выговором по поводу математики и запретных для мальчиков духов Андрей быстро смирился, а вот новость о том, что скоро у него появится младший брат или сестра, была уже лишней для сегодняшнего дня.

И ТАКОЙ ПОСЛУЖИШЬ

«Надо было лучше учить математику, да что уж теперь...»

Андрей печально смотрел в запотевшее окно допотопного автобуса. Пахло бензином, пылью и потом еще одиннадцати парней. Преведняя жизнь мальчика стояла где-то у исчезающих за поворотом цветных пятиэтажек и брызгала ему вслед из флакона чертовыми женскими духами.

«Неужели они так со мной из-за духов? — думал он. — Или все-таки из-за ребенка? Или я правда какой-то не такой и меня нужно исправить?» Было обидно, но не сильно. «Наказать ведь меня все-таки есть за что, — думал Андрей. — Правда, ни отец, ни Света об этом не знают и наказывают за что-то свое — непонятное».

— А с каких пор у нас мелких таких берут? — Коренастый рыжий парень плюхнулся на сиденье рядом с Андреем, спортивную сумку он бросил себе под ноги, толкнув ее носком ботинка под соседнее кресло. — Тебе сколько лет-то, пацан, — двенадцать?

Андрей отвернулся от окна и посмотрел на соседа. На вид тому было двадцать — двадцать пять. На лбу уже были морщины.

— Мне четырнадцать, — сердито ответил он.

— Врешь?

— Да нет, с чего бы? — ответил Андрей.

— Ну ты же, типо, ребенок еще! — продолжал недоумевать рыжий. — Ты это, сирота, что ли?

— Нет.

— Хм, а что тебя родаки от армейки не отмазали? Меня вот пытались, но я сам решил пойти.

— А меня мать как раз сюда и отправила. То есть мачеха, а не мать. Но по закону — это без разницы, — безразлично ответил Андрей.

— Ни хрена себе, — присвистнул рыжий, — ну ладно, не буду приставать, дела семейные.

— Семейные, — повторил Андрей это странное слово и снова отвернулся к окну. Там мелькали хромые собаки, чьи-то дачи и планы на жизнь.

Автобус свернул на грунтовку, и теперь вдоль дороги тянулись только лысые деревья, продрогшие и одинокие. На одном из них сидела ворона и угрожающе каркала. Как будто говорила: не пересекайте это поле, дальше пути нет, дальше — мое цар-р-р-рство.

Водитель наконец додумался включить радио, и из динамиков полетел жуткий и какой-то неправдоподобный бабий вой:

В какую дорогу ты отправляешься?
Перелетной малой птиченькой
В какую даль собираешься?
Где кудри свои оставишь?
Наволочка твоя полиняет,
Невеста замуж повыходит,
Одежку брата донашивать станут!

— Эй, водила! Переключи! — закричали все парни разом.

— Это ж надо жуть такую в эфир пустить!

— «Дорожное»! «Дорожное» включи!

Водитель и сам был рад сменить репертуар, и вскоре по салону уже разносился успокаивающий, с хрипотцой голос, поющий про дон-тюрьму, корешей и воронье.

— Это что такое было вообще? — спросил Андрея сосед. — Молитва, что ли, какая-то?

— Не знаю.

— Не знаешь так не знаешь. А зовут тебя как?

— Андрей, — ответил мальчик и впервые пристально посмотрел в широкое веснушчатое лицо своего рыжего попутчика.

— А меня — Пашка, — сказал тот и хлопнул Андрея по плечу.

Андрею захотелось сказать «Приятно познакомиться», но он не стал. Это в школе можно было так говорить, покупая себя капучино в автомате. А здесь — как-то глупо.

— Эй, командир, а когда приедем? — выкрикнул кто-то из парней спустя два часа пути.

— Так приехали уже, — ответил усатый мужик лет пятидесяти, сидевший рядом с погрузившим водителем.

— Куда приехали-то? — понеслось со всех сторон, парни завертели головами.

Ничего, кроме поля за окном и отвратной ноябрьской погоды, Андрей не видел. Это поле мелькало перед глазами половину пути, никаких изменений, говоривших о том, что они куда-то прибыли, не было.

— На месте уже, говорю! Выходим! — гаркнул командир.

— Пешком дальше, что ли, до лагеря? — удивлялись все, но хватали вещи и выбегали из автобуса.

Андрей тоже взял свой бывший когда-то школьным рюкзак и вышел.

Холод сразу разогнал остатки запахов и какой-либо уверенности хоть в чем-то. Хотелось зацепиться взглядом за что-то знакомое, но ничего не было. Ни домов, ни построек, ни людей, ни зверей — только седая от инея земля и такое же седое, распластавшееся над ней небо. Но было кое-что еще, то, что глаза, уставшие от одинаковой серо-белой гаммы, не сразу могли разглядеть. Андрей заметил это первым и сначала даже подумал — показалось, но, когда его попутчики стали тыкать пальцами куда-то в центр поля, он понял — нет, там и правда есть на что посмотреть.

Вдалеке на стального цвета земле стояли десятки, а может и сотни панцирных кроватей. Без матрасов, одеял, простыней и подушек — абсолютно голые, они тянулись до самого конца поля, за которым начинался лес.

— Это что за херня?

— А крышу там не забыли сверху приколотить? — ехидно спросил смуглый темноволосый парень, которого, кажется, звали Егор.

— Разбомбили уже, что ли, часть нашу? — выкрикнул кто-то.

— А ну-ка заткнулись! — заорал командир, но тут же перешел на сдержанный деловой тон: — Вы, пацаны, без эмоций давайте. Лагерь-то тренировочный — вот и тренируйтесь. Страна у нас в трудном положении, сами знаете, чем смогли, тем помогли, а дальше вы о себе сами позаботьтесь.

— И как, интересно, нам позаботиться, тут же нет ни хрена? — зло прищурившись, сказал похожий на шкаф парень.

— А ты самый умный, что ли? — спросил командир. — Как зовут, кстати?

— Смирнов. Иван Смирнов.

— Слушай, значит, Смирнов. И все остальные тоже — слушайте. Ноги и руки у тебя есть, Смирнов?

— Ну-у-у, — замялся Иван.

— Что ну, — перебил его командир, — есть у тебя руки и ноги?

— Ну есть.

— Правильно. А знаешь, что еще у тебя есть? — командир сверлил Ивана взглядом.

— Хуй! — выкрикнул кто-то.

Парни радостно загоготали.

— Хуй тебе окопы рыть не поможет, — скривившись ответил командир. — А знаешь, что поможет?

— Что? — озадаченно спросил Иван.

— Родина! Родина тебе поможет! Потому что только Родина у тебя и есть! — брызжа слюной, заорал командир. — Понятно тебе?!

— Понятно, — пристыженно ответил Иван, явно не ожидавший такой отповеди.

— Всем всё понятно? — снова заорал командир.

— Понятно! — загремело со всех сторон.

Андрею ничего понятно не было. Но тут уж, видимо, как с математикой — ничего не поделать.

— Мишка, тащи сухпайки, — крикнул командир водителю.

Парни выстроились вдоль автобуса, чтобы командир мог проверить каждого по фамилии и вручить по внушительному пакету из магазина «Пятерочка».

Андрею вдруг стало нестерпимо интересно: что же внутри этого пакета? Видимо, воспоминания о новогодних подарках нахлынули. А может быть, ему просто давно ничего не дарили.

Когда командир добрался до фамилии Андрея и тот ответил «я», повисла тишина, все

вдруг уставились на мальчика, как будто только сейчас его заметили.

— А ты что такой мелкий? — подозрительно спросил командир.

— Так ему четырнадцать! — ответил за Андрея Пашка.

— Я не с тобой говорю! — гаркнул командир. — Ты чего такой мелкий, пацан?

— Мне — четырнадцать, — повторил вслед за Пашкой Андрей.

— А в армию у нас берут со сколько? — спросил командир явно у кого-то невидимого.

Никто ему не ответил. По крайней мере, вслух.

— Меня мать записала, — как будто извиняясь, сказал Андрей.

Командир радостно выдохнул:

— А, ну раз мать, то все в порядке. Мать — она Родина. А Родина, как известно, она — мать. Мелковат ты, конечно, ну ничего, и такой послужишь. Найдем и тебе применение.

КРОВАТИ В ПОЛЕ

Спустя полчаса автобус уехал вместе с командиром, водителем, забытыми кем-то сигаретами и Андреевым детством.

Двенадцать парней молча шагали по стального цвета полю, каждый держал в руке по пакету из «Пятерочки», как самый долгожданный новогодний подарок. Впереди маячили торчащие из земли скелеты кроватей.

— Ну что, пацаны, разбираем койки! — весело сказал Егор и взлохматил свои темные волосы. — Моя — у окна!

— Да тут все одно сплошное окно, — проворчал Пашка, стоявший рядом с Андреем, который как замороженный смотрел на выраставшие из-под слоя инея металлические ножки и спинки. «Как будто кладбищенские оградки», — подумал мальчик.

— А что кроватей так много? Нас же всего двенадцать?

— Ну так командир еще за ребятами поехал, а мы тут пока все в порядок привести должны, — ответил шкафообразный Иван.

О каком порядке речь, Андрею было непонятно. По его мнению, все как раз было

в идеальном порядке. Причем в таком порядке, в какой лучше было бы не вторгаться. Он аккуратно сел на жесткую сетку кровати, поприветствовавшую его металлическим всхлипом. Десятки кроватей подхватили этот звук, разнесшийся по полю протяжным скрежещущим шепотом.

— Срань какая! — выругался кто-то.

Все было одинаковым, выбирай не выбирай — разницы никакой. Чтобы как-то обозначить, что вот этот самый угол этого сиротского пространства теперь принадлежит ему, Андрей достал из рюкзака полосатый шарф и завязал его на решетчатом изголовье.

— Ты бы еще игрушку мягкую достал, мелкота, — услышал Андрей чей-то насмешливый скрипучий голос.

Он обернулся посмотреть, кто его задирает. На него цепко смотрели маленькие водянистые и какие-то недобрые глаза. Их обладатель, невысокий жилистый парень, выглядел здесь старше всех, на совершенно недостижимые тридцать лет. С таким лучше не связываться: «У хороших людей залысин не бывает», — вспомнил мальчик бабушкины слова. Он редко воспринимал всерьез то, что она говорила, но, глядя на эти выкошенные участки тонкой блестящей кожи, подумал, что в этот раз он бы с ней согласился.

— В четырнадцать с игрушками уже не играют, если ты вдруг успел забыть, — все-таки не выдержал Андрей.

— Да что ты? Разговорчивый сильно, смотрю.

— А давайте знакомиться! — явно специально перебил угрожавшего Андрею Егор.

— Знакомиться с бабами будешь, — огрызнулся парень с залысинами.

— Вообще надо познакомиться, рассказать, кто что умеет, иначе околеем тут, — вмешался Иван.

— Он прав, — поддержал Пашка, — вывезли в поле, бросили — и выживайте как хотите. Костер надо разводить, дрова искать, воду, тут же ни хрена, кроме кроватей этих, нет...

Костер разгорался и разгонял наползающие сумерки. Кровати поставили вокруг него, чтобы тепло грело ноги. Справа от Андрея оказался Пашка, а слева — Егор. Такое соседство мальчика устраивало, главное — кровать жуткого, с залысинами Вовы оказалась от него как можно дальше.

Парни сидели вокруг огня, копошились в пакетах, разглядывали то, чем одарило их командование. В свой пакет Андрей долго не решался заглянуть, воображая все те вещи, которые он мечтал получить на Новый год. Обычно он и не ждал слишком многого (отец и Света уже давно не баловали), но этот подарок удивил даже его. Внутри пакета оказались банка тушенки, пачка сосисок, упаковка гречки, теплые носки, иконка, бюст Сталина и детский рисунок

с пожеланием «ПОСКОРЕЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ ДАМОЙ!».

— Хоть бутылочку пивка бы положили вместо бóшки этой, — скорбно прокомментировал содержимое пакета тощий парень по имени Толик.

Поворчав немного по поводу таких подарочков, рядовые придвинулись поближе к костру и стали жарить сосиски, попутно высчитывая, на сколько дней им хватит этой еды.

Подпаленные огнем сосиски показались Андрею невероятно вкусными, может быть, потому, что на воздухе вся еда вкуснее, а может быть, потому, что он представил, что даже такой еды скоро может не оказаться.

Немного повеселев, парни начали рассказывать о своих невероятных способностях и умениях, которые несомненно помогут им выжить и победить гипотетического врага. Правда, врага никто никогда не видел, он был где-то невысказанно далеко, а холод, голод и непонимание, что делать дальше, уже подбирались к ним, скаля зубы.

— Ну а ты что расскажешь, малой? — спросил Андрея бывший баскетболист Жека, швырнув в него полусдувшийся мяч, который парни перекидывали по кругу.

Невероятной способностью Жеки было отсутствие ноги, ее заменял титановый футуристический протез, которым он очень гордился. Куда делась его настоящая нога, Жека не сообщил,

зато предупредил, что по ночам иногда может кричать от фантомных болей.

— Мне мамка как-то сказала, что ору я, как черти в аду. Она даже однажды на диктофон записала, а потом мне включила, так я чуть не обосрался! — закончил Жека свою презентацию.

С такой историей соперничать было трудно, поэтому Андрей просто сказал, что ненавидит школу, особенно математику, и умеет быть незаметным.

— Еще бы! Ты же мелкий! — все одобрительно загоготали.

Спорить с этим Андрей не стал, «мелкий» — прозвище безобидное, в отличие от «зомбачкиного сына». Он кинул мяч темноволосому парню с раскосыми глазами, рядом с которым сидел брат-близнец.

— Я — Эдик, — растянув губы в широкой улыбке, быстро затараторил тот.

— А я — Федя, — улыбнувшись точно так же, перебил его брат. — Мы детдомовские.

— Эдик и Федик, — сказал кто-то.

— Вообще мы — Эдир и Юмжап, но в детдоме нас переназвали удобными именами, а вы говорите, как хотите, мы уже к Эдику и Федику давно привыкли.

— А мне больше Пендир и Юмжоп нравится, — заржал Вова.

— А хорошо мы умеем делать только одно, — не обращая внимания на Вовин смех, продолжил

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru